

Алексей Борисов

Вампир приходит в полночь

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Борисов

Вампир приходит в полночь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов А.

Вампир приходит в полночь / А. Борисов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

В семье почтенного горожанина, скопившего капитал в эпоху шальных 90-х, происходит серия жестоких убийств. Следователи бессильны - версии преступления отпадают отпадают одна за другой, пока не остается последняя: в доме завелся вампир. И чтобы подозрения не пали на невинного человека, за поиск преступника берутся два гастарбайтера, случайно попавшие в круг подозреваемых...Содержит нецензурную брань.

– Оттопырь им пол-ящика пива и сунь на ночь в чулан при флигеле, иначе их с утра не сыщешь! – распорядился «папа Термос». Работы на его загородной вилле уже заканчивались, когда в голову ему пришла идея поиметь при своем непритязательном «шале» еще и купальню в калифорнийском стиле. В связи с чем босс нашей шабаш-монтаж конторы продал нас с Витюхой «на недельку до второго» указанному олигарху уездного значения для проведения отделочных работ.

В течение целого дня мы пеклись под среднерусским солнышком, облицовывая плиткой стенки будущего бассейна и попутно знакомясь с бесхитростным бытом «новых русских». Впрочем, «папа Термос» с утра укатил в город ворочать свои коммерческие дела, и круг нашего общения ограничивался полудюжиной птичек небесных, чирикающих в ближайшей роще. Лишь после полудня из парадных дверей выпорхнула мини-юбочная пташка иного сорта и принялась весьма фривольно шастать среди нашлепанных вокруг дома клумб и газонов. Видимо, вид двух потных, заляпанных раствором мужиков неотразимо воздействовал на ее подкорковые центры, так как она акульмиными кругами приближалась к нам, пока, наконец, не прошла пару раз по самой кромке бассейна. Не выдержав, Витька проследил пристальным взором за игривым вихлянием гладких ляжек и мечтательно выговорил:

– Вот это телка! Я бы вдул! Только бы чего не подхватить на конец...

– Дурень! Это термосова фрау, – пресек я Витькины мечтанья и сурово шмякнул очередную порцию раствора. И тут сверху раздался насмешливо-мелодический голосок:

– Мужчины, у вас есть все, что нужно? – мы дружно вскинули головы и застыли с открытыми ртами и выпученными глазами: мадам сидела на корточках на самом краю котлована, не скрывая от нас того немногого, что было на ней из исподнего, и ярко напомаженные губы ее провоцирующе кривились. Витька за моей спиной выронил лопату, и в это время из-за ближайшей клумбы вырос шкафоподобный юноша с портативной радиостанцией за поясом и прошил нас длительным взором сквозь солнцезащитные очки. Мадам ослабилась еще пуще:

– Если что необходимо, можете смело на меня положиться, – она послала победоносную улыбку в наши ошпаренные физиономии, поднялась и пошла прочь, сноровисто перебрасывая из стороны в сторону едва прикрытые юбкой полушария. Впрочем, через полчаса она появилась вновь – для того, чтобы развалиться в пятнадцати шагах от нас в шезлонге, выставив на солнечные лучи полутораметровые ляжки и полистывая пестрый журнал.

– Ишь, как ворочается, кобылка, – бурчал Витька. – Да чтоб такую согреть, двадцать Термосов надо! То-то она к нам и клеится...

Часа в два мы сели перекусить, и в это время в ворота вкатил арктически белый лимузин с зубастым бампером, и мадам с радостным вскриком устремилась навстречу вылезшему из него плешивоватому красавчику в персиковом костюме; тот ее вполне по-голливудски облапил и, разместив у себя под мышкой, повел в дом.

– Вот оно что, – выдавил сразу помрачневший Витька, – Официальный хахаль явился! – он схватил лопату и яростно замесил раствор. – А морда мне его знакома, – добавил он, сплюнув. – Тот самый хлюст, что весной меня кодировал! Как там его, народный целитель Матвей Габриэлевич фамилию-не выговоришь...

– Ну и как?

– Нормально! Только потом месяца два как первый стакан пить, так словно жабу глотать...

Мы продолжали жариться на солнышке, время от времени украдкой косясь в сторону дома – не появится ли мадам или ее народноцелительный хахаль, – но те, видимо, расположились капитально, так, что их не смутило даже прибытие к вечеру на целой кавалькаде «Мерседесов» папы Термоса с оравой «патсанов» из местного бомонда.

По пять бутылок пива на нос для таких орлов, как мы с Витькой, разумеется, недостаточно, чтобы сразу уснуть на новом месте, и мы полночи ворочались на раскладушках посреди

пустой, промозглой даже в разгар лета клетушки. Снаружи доносились раскаты хохота, звонкий женский смех, под окнами фыркали прибывающие и убывающие иномарки; я высасывал шестую «беломорину» и размышлял о том, как было бы славно выйти сейчас из нашего каменного мешка и накернить с левой или правой кому-нибудь из этой лакированной братии. Как заснул – не помню, но пробуждение мое было подобно ослепительной вспышке ужаса: меня буквально подбросил с брезентового полотнища душераздирающий вопль. Я вскочил, обливаясь холодным потом; мгновение или два над миром висела свинцовая тишина, потом со всех сторон раздался яростный брех охранных собак, и под его аккомпанемент я увидел в окне зеленовато-лимонную от лунного света шатающуюся человеческую фигуру; она двигалась через лужайку к парадному крыльцу, и мне показалось, что я вижу расширенные зрачки на искаженном лице, странное багровое жабо, спадающее на грудь, и заорал:

– Витюха, смотри! Смотри! – Витька сонно приподнялся на локте и уставился на меня:

– Ну, чаво?

Фигура, только что маячившая перед домом, необъяснимым образом пропала; собаки неожиданно стихли, и лишь где-то в отдалении одна продолжала жутковато подвывать. С полминуты мы напряженно всматривались в темноту за окном; безмолвие, словно ртуть, затопляло пространство, но меня все никак не оставляло ощущение некой необратимой перемены, произошедшей в природе.

Мы поднялись в шесть утра и отправились по холодку месить раствор. Мне почему-то запомнилось, как быстро роса промочила мои кроссовки на тех десяти метрах, что мы прошагали от дверей до незаконченного бассейна. Дойдя до цементной кромки, оба замерли, как соляные столбы; на дне котлована лежали, странно желтые среди бурого пятна крови, мощи «папы Термоса».

– Это он, тогда, ночью, – выдавил я, едва ворочая челюстью; Витька захлебнулся воздухом и побежал в дом.

Через минуту кругом было уже полно народу; все что-то бормотали, спрашивали, какая-то женщина периодически истерично взвизгивала; возглавлял подобающее такому случаю камлание Витькин экстрасенс – хозяйкин хахаль. Он особенно часто хватал покойника за пульс и, явно претендуя на определенную степень родства, выкрикивал:

– Костя! Костя! Костя, ты слышишь? – хотя что-либо более мертвое, чем бывший «папа Термос», придумать было трудно: глотка у того была буквально разодрана от уха до уха.

Последней к месту событий явилась новоиспеченная вдова. Она прибыла, зябко кутаясь в чрезмерно откровенный халатик, и, взглянув на останки супруга, безапелляционно фыркнула:

– Собаки его, что ли, грызли?

– Нет, Лилиан, это не собаки! – взвизгнул со дна бассейна обер-шаман. – Это вампир! Вампир! – он обвел нас черными дымящимися глазами. – Я вижу, я чувствую эманацию зла, – пальцы его выкинутых вперед рук зашевелились, защупали воздух. – Вот! Вот! Он не ушел! Он вернется! Он здесь! Нет! Нет! Уйди! – Матвей Габриэлович отшатнулся и побледнел, загребая воздух руками; я почувствовал, как у меня поднимаются волосы и бегут по спине мурашки, и тут Витька толкнул меня в бок локтем:

– Смотри, у нее под халатом нет ничего! – среди всех этих страстей-мордастей мой напарничек, оказывается, бессовестно пялился на молодую вдову, наряд которой вопиюще дисгармонировал с ситуацией.

– Ну, ты и гурман! – только и смог выговорить я.

Потом приехала милиция, и все пошло своим чередом. Смерть Тепляева-старшего при всей ее чудовищности представилась довольно прозаичной. У него была привычка самолично кормить сторожевых собак, и хотя трудно представить себе, с чего бы это он отправился на эту забаву среди ночи абсолютно голый, но скопленные им капиталы давали право на некоторые

бзики. Юная вдова его подтвердила, что перед сном они немного погуляли в саду, потом она пошла в дом и приняла душ; так как очень устала, то уснула сразу и дрыхла беспробудно.

Рутину следственных действий нарушал лишь Матвей Габриэлевич, зачем-то вычерчивающий прутиком круги у всех дверей и бесновато верещащий в каждое подвернувшееся ухо:

– Кровь! Они сосут кровь! Мы все под красным колпаком!

О работе в тот день не могло быть речи, и, после того, как все формальности с нашим участием были закончены, мы с Витюхой отправились в деревню за водкой. Когда вернулись, дом гудел, как улей. Примчались, не говоря уже об обоих сыновьях покойного от предыдущих браков – долговязом Эдике и младшем, брюнетистом крепыше Ваньке-Купоне – две дюжины менеджеров, адвокатов и прочей шушеры. Мы же горделиво протопали на свою территорию, оципали воблочку, порезали сальцо, лучок и... погнали пойло по трубам!

После второго стакана мы с Витькой гомонили уже гораздо громче, чем вся адвокатская кодла в гостиной, по комнате плавали облака папиросного дыма, Витька откупоривал второй пузырь, и тут дверь распахнулась, и – кого, вы думаете, мы увидели на пороге? Разумеется, ее – молодую вдову.

– Что пьете?

– Водочку-с! – невинным голосом пропел я.

– Плесните и мне! – девушка довольно решительно шагнула в помещение и бухнулась на раскладушку рядом с Витькой. Оригинальное представление ее о трауре заключалось в темной блузе с чрезвычайно глубоким вырезом и кожаной мини-юбке в комплекте с черными ажурными чулками – видимо, таким способом она давала понять, насколько ей не хватает мужа. Или мужика по крайней мере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.